

Р. Б. ГУЛЬ

**Я унес Россию: Апология эмиграции.
Т. I: Россия в Германии**

<Фрагменты>

В начале 20-х годов в русском зарубежье выступили два народившихся идеологических течения — евразийство и сменовеховство.

<...>

Сменовеховцы

Не лучшая судьба ждала и другую «иллюзию примирения» — сменовеховцев. В том же 1921 году группа «сменовеховцев» выпустила сборник статей «Смена вех». По своим идеологическим устремлениям эти две группы (евразийцев и сменовеховцев) были разны. Евразийцы шли от славянофилов, в их идеологии момент православия играл большую роль, они были почвенники-распочвенники. Сменовеховцы шли от западничества, но тоже подчеркивали курсивом свой пламенный патриотизм¹.

В сборнике «Смена вех» были статьи главных лидеров сменовеховства: бывших профессоров-юристов Московского университета — Юрия Вениаминовича Ключникова и Николая Васильевича Устрялова. В гражданскую войну оба были в Сибири членами правительства адмирала А. В. Колчака. Ю. В. Ключников — министр иностранных дел (его специальностью было международное право), а Н. В. Устрялов, — кажется, министр без портфеля (не уверен). Кстати, до Сибири Ю. В. Ключников был активным участником вооруженного антибольшевицкого восстания в Ярославле в 1918 году, но там в лапы волков не попался, а через Казань с отрядом полковника В. О. Капшеля² ушел в Сибирь. Кроме Ключникова и Устрялова в сборнике «Смена вех» были статьи профессора С. С. Лукьянова (сын бывшего обер-прокурора Святейшего синода), профессора

С. Чахотина, (друг Ф. А. Степуна), бывшего известного в России адвоката А. Бобрищева-Пушкина и Ю. Потехина. Отмечу, что на позиции сменовеховства встал также видный эмигрант, бывший профессор Санкт-Петербургского университета Эрвин Давыдович Гримм, печатавшийся на Балканах в сменовеховской газете «Наша мысль»³. Позиция сменовеховства была такова: оставаясь (как и евразийцы) антикоммунистами, сменовеховцы верили, что провозглашенный в 1921 году нэп есть ликвидация коммунистической революции, примирение комвласти с населением, усиление роли крестьянства в стране, усиление национализма и постепенный переход России к формам правового государства.

Самый блестящий публицист из сменовеховцев (да и вообще блестящий публицист!) профессор Н. В. Устрялов в сборнике «Смена вех» писал: «Коммунизм не удался <..> дальнейшее продолжение этого опыта в русском масштабе не принесло бы с собой ничего, кроме подтверждения его безнадежности при настоящих условиях, а также неминуемой гибели самих экспериментаторов <...> Дело в самой системе, доктринерской и утопической при данных условиях <...> Только в изживании, преодолении коммунизма — залог хозяйственного возрождения государства».

Разумеется, тогдашнее положение в Советской России отличалось от сегодняшнего, как небо от земли: вся земля тогда была в руках крестьянства, это было единственное время в российской истории, когда крестьяне обладали всей землей и были довольны своим положением; рабочие не были прикреплены к фабрикам и заводам, а работали где хотели; в искусстве и литературе была относительная свобода, осуществлявшаяся так называемыми «попутчиками»; наряду с Государственным издательством существовали частные издательства; в хозяйственной жизни была допущена частная инициатива и многим бывшим собственникам возвратили их предприятия и дома; были широко допущены иностранные капиталы (концессии). В Советскую Россию хлынули американский, немецкий, английский капиталы. Среди других американцев бывший губернатор Нью-Йорка, а потом и бывший посол в СССР Эверел Гарриман⁴ получил тогда в Советской России интересовавшие его концессии; отдельные концлагеря существовали, но Архипелага ГУЛАГ еще не было; выезд за границу не был так свободен, как в западных демократиях, но за границу пускали довольно легко.

И если евразийская идеология внутрироссийскому, советскому обывателю была сложновата, то идеи сменовеховства внутри Советской России разделялись громадным большинством населения.

Вот что об этом писали за рубежом бывшие советские граждане. Эмигрант «второй волны» Касьян Прошин (псевдоним Беклемишева)⁵ в «Новом русском слове» в статье «Проповедь изоляционизма» от 26 мая 1950 года⁶ писал: «Интересно отметить, что сейчас никто не отстаивает <...> возможности перерождения большевицкого государства, эволюции его в сторону демократии, то есть, того варианта, в который верили внутри Советского Союза еще в 20-х годах и вера в который толкала «сменовеховцев» на пересмотр их отношения к советскому режиму». Еще определенной в журнале «Народная правда» (№ 7–8, май, 1950)⁷ писал Георгий Александров⁸, тоже эмигрант «второй волны». В статье «Советская власть и русская интеллигенция» Г. Александров писал: «В конце двадцатых годов под влиянием нэповских полусвобод наступило некоторое примирение между обеими сторонами (советской властью и интеллигенцией. — *Р. Г.*), и в настроении интеллигенции появились признаки примирения и сближения с властью. Это была эпоха внутреннего «сменовеховства», история искания путей для совместной, по возможности, лояльной работы на благо родной страны и народа. Это было признание советской власти «де-факто». А известный эмигрант, но уже «третьей волны», А. Левитин-Краснов⁹ в работе «История русской церковной смуты»¹⁰ пишет: «Все претензии Живой Церкви на то, чтобы стать частью советского государственного аппарата, имели какой-то смысл тогда, если люди стояли на позиции сменовеховских идеалов, утверждавших, что Советская Россия должна будет в ближайшее время переродиться в крепкое национальное буржуазное государство. На это рассчитывали тогда многие, очень многие, как в России, так и за рубежом»,

Надо ли говорить, что сменовеховцы «измеряли температуру» тоже «французским термометром»¹¹ они ставили на Термидор. Но «термометр» оказался трагически неверен. Вот как воспринимал «сменовеховцев» В. И. Ленин. В речи на XI съезде своей «стаи» Ленин, между прочим, сказал: «“Большевики могут говорить, что им нравится, — писал в парижском журнале “Смена вех» профессор Н. В. Устрялов, — а на самом деле это не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение, они придут к обычному буржуазному государству. История идет разными путями», — и, парировав эту цитату, Ленин продолжал: — Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны, надо сказать прямо. История знает превращения всех сортов; полагаться на убежденность, преданность и превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем несерьезная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого количества людей, решают же исторический

исход гигантские массы, которые, если небольшое количество людей не подходит к ним, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо. Много тому бывало примеров, и потому надо сие откровенное заявление сменовеховцев приветствовать. Браг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит. Поэтому на этот вопрос надо обратить главное внимание: действительно, чья возьмет»¹².

В речи перед «стаей» Ленин завуалированно признавал, что нэп им введен вовсе не «всерьез и надолго», как он сам официально заявлял. Ни перед «крестьянским плетнем», ни перед каким-то «перерождением» своего «разбойничьего государства» Ленин вовсе не собирался «подвинуться». Но это, так сказать, «черный ход», а с «парадного подъезда» те же ленинцы, пуская нужную тогда им дымовую завесу, приветствовали «сменовеховцев». Так, на II Всероссийском съезде политкомиссаров в октябре 1921 года Троцкий сообщил, что «нужно, чтобы в каждой губернии был хоть один экземпляр этой книжки “Смена вех”. И добавлял: — Сменовеховцы пришли к советской власти через ворота патриотизма»¹³. Почему же эдакий марксист Троцкий вдруг захотел распространения «Смены вех»? Да потому, что на том же съезде «стаи» Ленин сказал: «Сменовеховцы выражают настроения тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики». Теперь-то, из прекрасного далека истории, мы видим, мы понимаем, что головка большевиков все «иллюзии примирения» встречала бдительно-враждебно, по-гангстерски: использовать как можно, а потом — в «штаб Духонина»¹⁴. Интересно, как на XII съезде «стаи» Иосиф Виссарионович хитро отозвался о сменовеховцах. Коба¹⁵ сказал: «Сменовеховцы хвалят большевиков за восстановление единой и неделимой России»¹⁶.

Но были ли бдительны «сменовеховцы»? Нисколько. Профессор Ю. В. Ключников писал в «Смене вех»: «Мистика государства — подлинная и глубокая, — не раскрывалась ли она и не раскрывается ли теперь во всем, что создало из России страну Советов, из Москвы — столицу Интернационала, из русского мужика (!!! — Р. Г.) — вершителя судеб мировой культуры». А в статье «Patriotica» профессор Н. В. Устрялов писал: «Над Зимним дворцом, вновь обретшим гордый облик подлинно великодержавного величия, дерзко развивается красное знамя, а над Спасскими воротами, по-прежнему являющими собой глубочайшую историческую национальную святость, древние куранты играют “Интернационал”. Пусть это странно и больно для глаз, для уха, пусть это коробит, но в конце концов в глубине души не-

вольно рождается вопрос: красное ли знамя безобразит собой Зимний дворец или, напротив, Зимний дворец красит собой красное знамя? «Интернационал» ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские ворота или Спасские ворота кремлевским веянием влагают новый смысл в «Интернационал»? <...> Наши внуки на вопрос, чем велика Россия? — с гордостью скажут: Пушкиным и Толстым, Достоевским и Гоголем, русской музыкой, русской религиозной мыслью, Петром Великим и великой русской революцией»¹⁷.

В книге «Под знаменем революции»¹⁸ Устрялов писал, что революция подошла к стадии, когда обнаруживается ее объективный, конечный смысл: под покровом коммунистической идеологии слагается новая буржуазная демократическая Россия с «крепким мужиком» как центральной фигурой. «Мы, сменовеховцы, — писал Устрялов, — хотим, чтобы русский мужичок получил все, что ему полагается от наличной власти».

Уверенность в необратимости нэпа, в необратимости эволюции страны к правовому строю в некоторых сменовеховцах была так сильна, что Ю. Потехин в «Смене вех» писал: «Народ с беспримерным терпением склонился перед силой большевицкой власти. Настал момент, когда эта власть должна склониться перед силой народных нужд и всемерно пойти прямо им навстречу; иначе она будет сметена; увы, сметены прежде всего оказались сменовеховцы, а потом смели и народ — все многомиллионное крестьянство — со всеми его «нуждами».

Как же отнеслась русская политическая эмиграция к евразийцам и сменовеховцам? В подавляющем большинстве резко отрицательно. В особенности к сменовеховцам, призывавшим к возвращению на родину. И лидеры русского либерализма П. Н. Милюков (левого крыла) и В. А. Маклаков (правого крыла), и лидер русского меньшевизма Ф. И. Дан, и все социалисты-революционеры, все отнеслись к «Смене вех» непримиримо. С критикой евразийцев П. Н. Милюков выступил даже публично в Париже 5 и 12 февраля 1927 года. С высоты своей энциклопедической учености Милюков, во-первых, отрицал оригинальность евразийского подхода к истории России, указывая на их прямую связь с славянофилами, Н. Я. Данилевским и К. Леонтьевым, а во-вторых, резко упрекал евразийцев в «примирении с коммунистической властью» (к которой Милюков был совершенно непримирим), в «приятии большевицкой революции как высшего проявления народной мудрости», чего Милюков уж никак не признавал и не мог признать. Лидер русского либерализма Павел Николаевич даже обронил тогда некую «элегантную остроту», ска-

зав, что Россию можно, конечно, называть как угодно, если хотите «Евразией», но с таким же основанием можно называть и «Азиопой»¹⁹. Еще резче П. Н. Милюков высказывался о сменовеховцах. Но почти вся политическая эмиграция наклеивала им на спину некий «бубновый туз», что было несправедливо потому, что в своих «иллюзиях примирения» лидеры сменовеховцев были искренни и заплатили за них жизнями. Н. В. Устрялова (как я уже упоминал) в Советской России в сибирском экспрессе шнуром чекисты удушили под видом грабителей. Вероятно, по личному указанию Кобы, Ю. В. Ключников исчез неизвестно как, хотя после сборника «Смена вех» для «дымовой завесы» наркоминдел Г. Чичерин (по указанию Кремля?) пригласил его как «советника» в состав советской делегации на Генуэзской конференции, что, конечно, было пропагандой и «советской эволюции», и «советского миролюбия». С. С. Лукьянова чекисты забили насмерть на допросе в Ухт-Печерском концлагере, хотя до этого — тоже для «дымовой завесы» — он был назначен редактором московского французского журнала — «Journal de Moscou».

В 20-х годах, во времена нэповских полусвобод, либерал П. Н. Милюков был тверд в своей непримиримости к большевизму. «Смена вех» была немыслима. П. Н. Милюков утверждал, что «непримиримость (к большевикам) для нас не только тактическая директива, но и категорический императив» («Эмиграция на распутье»²⁰). Милюков писал, что в эмиграции необходимо «сохранение пафоса неприятия советской власти и борьба с ней, а следовательно, и революционное к ней отношение, и отрицание всякого рода примиренчества» («Россия на переломе», т. 2²¹). Но в 40-х годах, в самую страшную сталинщину, П. Н. Милюков стал неожиданным «сменовеховцем», создав собственную «иллюзию примирения». В те же годы и В. А. Маклаков внезапно «сменил вехи», выступив со своей «иллюзией примирения».

В заголовке этого очерка у меня стоит «и другие». Эти «и другие» были Федор Дан (Гурвич), лидер меньшевиков, в 40-е годы «целиком и полностью» ставший на «советскую платформу»²², и кое-кто из эсеров, например М. Л. Слоним²³, вступивший в группу под названием (кажется) «утвержденных»²⁴, тоже ставших на советскую платформу. Правда, через несколько лет, когда из Кремля потянуло густым антисемитизмом, М. Л. Слоним возвратился в первобытное эсеровское состояние. Но все эти «и другие» мало интересны, у них не было своих идей. И о них я говорить не буду. Скажу только об «иллюзиях примирения» П. Н. Милюкова и В. А. Маклакова.

<...>

В газете «Накануне»

В марте 1922 года в Берлине начала выходить ежедневная сменовеховская газета «Накануне» под редакцией профессоров Ю. Ключникова и Г. Кирдецова²⁵, при ближайшем участии профессоров С. Лукьянова, Ю. Потехина и Б. Дюшена. Сотрудниками «Накануне» стали некоторые видные эмигрантские писатели и журналисты — Алексей Толстой (редактор «Литературного приложения»), А. С. Яшенко (редактор «Научного приложения»), Ив. Соколов-Микитов, А. Дроздов, А. Ветлугин (Рындзюк), Нина Петровская²⁶ (Рената из «Огненного ангела»), Н.²⁷ Василевский (Не-Буква), экономист Вугман²⁸, репортеры Вольский²⁹, Шенфельд (Россов) и другие. В эмиграции газета встретила недружелюбное отношение, ибо идея «примирения с советской властью» массой эмиграции не разделялась. Не знаю, кто финансировал «Накануне», но думаю — через какое-нибудь подставное лицо она издавалась на советские деньги. Для сменовеховцев, звавших к примирению с властью и возвращению в Россию, эти деньги не были «бубновым тузом». Для массы же антибольшевицкой эмиграции (совершенно правильно!) были.

Станкевичи³⁰ тогда жили еще в Берлине, и В. Б. хотел начать сотрудничать в «Накануне», что вызвало резкое сопротивление Наталии Владимировны. Она ни за что не хотела, чтобы В. Б., получил наименование «сменовеховца», хотя по сути сменовеховцы стояли на той же позиции примирения, что и журнал Станкевича «Жизнь»³¹. Помню, генеральное сражение у Станкевичей было при мне. Владимир Бенедиктович его проиграл. Но не столько из-за доводов Наталии Владимировны, сколько из-за довода В. С. Войтинского³², Войтинский говорил Станкевичу так: «Владимир Бенедиктович, я понимаю вашу точку зрения, понимаю вашу политическую позицию, но если вы хотите сотрудничать с советской властью, то есть писать для советского читателя, то лучше пишите прямо в «Известиях», чем в «Накануне», потому что «Накануне» — это большевицкий политический «камуфляж». Попробуйте писать прямо туда, в «Известия»». Довод Войтинского подействовал. В. Б. отказался от того, чтобы стать сотрудником «Накануне». Но и в «Известиях», конечно, никогда не писал.

Я сотрудником «Накануне» стал. И произошло это так. К нам в «Новую русскую книгу» как-то пришел Алексей Толстой, уже редактировавший «Литературное приложение». В разговоре спросил меня: «Роман Гуль, нет ли у вас чего-нибудь для «Литературного приложения»? Я слышал, вы роман пишете?» — «Романа не пи-

шу, а некую повесть пишу». — «Вот и великолепно! Дайте отрывок для «Литературного приложения»». — «Хорошо, что-нибудь выберу».

Я дал Толстому отрывок из повести «В рассеянии сущие»³³, который появился в ближайшем номере «Литературного приложения» к «Накануне» от 22 мая 1922 года. У кое-кого из моих знакомых это вызвало некий «взрыв». Но, конечно, не коснулось моих друзей — Станкевичей, Николаевского и других. А в правление «Союза русских писателей и журналистов» Владимир Евгеньевич Татаринов³⁴ (в прошлом харьковский журналист) подал тогда письменное заявление, предлагая исключить из «Союза» всех сотрудников «Накануне». Думаю, он по-своему был совершенно прав. Но судьбе было угодно над этим его «действием» улыбнуться. В 1947 году в Париже в правление «Союза русских писателей и журналистов» я и С. П. Мельгунов (члены правления) подали составленное мной заявление об исключении из «Союза» всех членов «Союза советских патриотов» и сотрудников газеты «Советский патриот», выходившей в Париже. Общее собрание состоялось, и «советские патриоты» были, по моему и Мельгунова предложению, исключены. Среди них оказался и Владимир Евгеньевич Татаринов, в те дни ставший архисоветским патриотом и фактическим редактором пробольшевицкой газеты на русском языке «Русские новости»³⁵, выходившей также в Париже. Вместе с своим другом Арсением Федоровичем Ступницким³⁶ В. Татаринов был вхож тогда в советское посольство, вместе с А. Ф. Ступницким заходил на прием к совпослу Богомолу³⁷ В. А. Маклакова. Так что мы с Татариновым через 25 лет «обменялись ролями», но, «без лести преданным» и «своим в доску», каким оказался В. Е. Татаринов в Париже, я никогда не был.

Итак, в Берлине 1922 года состоялось общее собрание «Союза писателей и журналистов», на повестке которого стояло исключение сотрудников «Накануне». Постоянным сотрудником «Накануне» я тогда не был, но так как я там напечатался, то счел для себя правильным прийти на собрание и быть тоже исключенным. Надо сказать, что в «Союзе» у меня было много друзей, которые моего исключения не хотели. За несколько дней до собрания ко мне пришел Юрий Офросимов³⁸ и сказал примерно так: «Роман, многие не хотят тебя *исключать*, и мне сам Гессен сказал, чтобы я предложил тебе просто подать заявление о выходе. И все».

Тут я должен сделать экскурс в область своей психологии и характера. Говорят, во мне есть некая закидчивость и «любовь к сражению». Некоторые называли это даже «неистовостью», «неуемностью» и прочим. Это не совсем так. Я просто не люблю (и даже не терплю)

стадности. И это с отроческих лет. Я всегда хотел и хочу по своей «по глупой волюшке пожить», я — фанатик своей собственной свободы и посему в жизни часто шел «поверх барьеров». Так, бросив все, я ушел в Ледяной поход. Так я ушел из Добровольческой армии. Так я отказался ехать в гражданскую войну из Германии и остался в ней дровосеком.

Так я написал «Ледяной поход». Вот и тут я «закинулся», если хотите. Я сказал Юрию, что с «черного хода» уходить из «Союза» не хочу. А поэтому я не только не подам никакого заявления о выходе, но приду на общее собрание и во всеуслышание попрошу об одновременном со мной исключении редактора «Руля» профессора А. Каминки за его торговлю с большевиками целлюлозой в Прибалтике и главного редактора «Руля» И. В. Гессена за то, что он, как я слышал, посетил в Берлине приехавшего из Ленинграда представителя Госиздата коммуниста Илью Ионова³⁹, предлагая ему купить книги, изданные Гессеном в издательстве «Слово». Кстати, через несколько лет, когда однажды К. Федин⁴⁰ познакомил меня в Берлине с И. Ионовым, последний этот факт подтвердил. Юрий Офросимов был человек не только уж не закидчивый, но даже, к сожалению, несколько трусоватый. «Роман, — взмолился он, — ради Бога, ты же лезешь на рожон, на скандал. Зачем это нужно?» «Я не знаю, зачем и кому это нужно, — сказал я, — но так и передай Гессену, что я сделаю именно так, как я тебе сказал». Юрий был удручен, но увидел, что меня тут не сломишь.

Так все и вышло. Я пришел на собрание и сказал все так, как говорил Юрию. Это произвело некое неудобное замешательство. Я видел, что председательствовавшему И. В. Гессену это было неприятно, хоть он и улыбался, но никаких опровержений не последовало. Разумеется, всех сотрудников «Накануне» исключили (и правильно, по-моему, сделали).

После отрывка из повести «В рассеянии сущие» я в «Накануне» ничего не помещал. Но когда Алексей Толстой уехал в Советскую Россию насовсем, мне предложили редактировать «Литературное приложение» и для сего пригласили зайти в редакцию. В письме ко мне от 30 марта 1924 года из Праги Марина Цветаева⁴¹ писала: «Из России я выехала 29-го апреля 1922 г. Скучаю ли по ней? Нет (курсив М. Цветаевой. — Р. Г.). Совсем не хочу назад <...> Редактируете «Накануне»? Не понимаю, но принимаю, потому что Вы хороший и дурного сделать не можете»⁴². Марина не могла тогда, конечно, даже представить себе, какую «дурную», страшную «смену вех» придется проделать ей вместе с мужем С. Эфроном⁴³ и чем они оба за это заплатят. Расстрелом и самоубийством.

Редакция «Накануне» занимала обширное помещение. Меня приняли С. С. Лукьянов и Г. Л. Кирдецов. Профессор Лукьянов — сын бывшего обер-прокурора Святейшего синода. Человек воспитанный, довольно молодой, среднего роста, лицо как лицо, ничего примечательного. Но Г. А. Кирдецов мне сразу не понравился. Он был уже в годах, отталкивающей внешности (Кирдецов — это был, кажется, псевдоним). По всем своим манерам он был типичнейший, выдавший всякие виды и во всех водах мытый *газетчик*. В эмиграции он издал книгу «У ворот Петрограда» (1919–1920)⁴⁴ — о наступлении генерала Юденича на Петроград. Потом болтался где-то в Прибалтике, ни с какими сменовеховскими писаниями никогда не выступал и вдруг... оказался в редакторском кресле «Накануне»? Кончил тоже, кажется, вполне благополучно, уехал в Москву, где работал в Наркоминделе⁴⁵.

На неблагообразном лице Кирдецова неизменно плавала какая-то непонятная и неприятная ухмылка. В разговоре (именно с этой ухмылкой) он сказал мне, что на «Литературном приложении» указания, что я редактор, не будет. «Вы понимаете, конечно, что у вас такого имени, как у Толстого, нет». — «Разумеется. Я ни к какой рекламе и не стремлюсь».

Так я начал работу редактора «Литературного приложения». Это было в июле 1923 года и длилось до июня 1924 года, когда «Накануне» закрылась «за ненадобностью». В «Литературном приложении» сотрудничали многие писатели из Советской России: Михаил Булгаков⁴⁶, А. Мариенгоф⁴⁷, Б. Пильняк⁴⁸, Н. Никитин⁴⁹, Осип Мандельштам⁵⁰, Юрий Слезкин⁵¹, К. Федин, В. Катаев⁵², М. Волошин⁵³, Всев. Иванов⁵⁴, Вл. Лидин⁵⁵, Всев. Рождественский⁵⁶, П. Орешин⁵⁷, А. Неверов⁵⁸, Корней Чуковский⁵⁹, Л. Никулин⁶⁰, Э. Голлербах⁶¹ и другие. Сотрудничал живший в Берлине А. Кусиков⁶². Из эмигрантской молодежи я привлек своих друзей Юлия Марголина⁶³ (в будущем автора замечательной книги «Путешествие в страну зека»⁶⁴) и поэта Георгия Венуса⁶⁵ (вернувшегося с семьей в СССР и расстрелянного через несколько лет), кроме них — поэта Вадима Андреева⁶⁶ (сына Леонида Андреева), написавшего об отце хорошую книгу, поэтессу Анну Присманову⁶⁷ и других. Некоторое время сотрудничал и мой друг Вл. Корвин-Пиотровский⁶⁸.

К сменовеховцам-политикам я отношения не имел. Они вели газету, я же приезжал редактировать и верстать свое «Литературное приложение». Но всех редакторов газеты я узнал. Юрия Вениаминовича Ключникова я встречал несколько раз, помню, говорили мы о его пьесе «Единый куст», которую он написал в Париже. Довольно высокий, плотный, с темными волосами, зачесанными назад, с лицом правиль-

ным, но ничем в глаза не бросающимся, с тихой спокойной речью, Ключников не был таким ярким человеком, как, например, Степун, Толстой, Маклаков, но был, конечно, «личностью». Он был умен, образован; вскоре он уехал из Берлина. Как я уже упоминал, его взял Г. Чичерин на Генуэзскую конференцию в качестве «советника» (разумеется — «статиста для пропаганды» и, вероятно, по чекистскому рецепту, и для «усыпления» бдительности самого Ключникова). Затем он уехал в РСФСР и погиб в «ежовшину».

Сергея Сергеевича Лукьянова я встречал не часто. Легко писавший, образованный, владевший иностранными языками — по отъезде Ключникова он фактически стал «передовиком» газеты, пиша об исторически неизбежном переходе большевицкой диктатуры к формам «трудовой демократии». Судьба его сложилась страшно. По закрытии «Накануне» он с женой переехал в Париж, откуда при каких-то странных обстоятельствах он был выслан французской полицией (как мне говорили, даже будто бы с применением «наручников») в Советскую Россию, в Москве на некоторое время стал редактором «Журналь де Моску», а потом — Ухт-Печерский концлагерь, где его забили насмерть на допросах. В лагере же оказалась и его эффектная красивая жена.

Г. Л. Кирдецова я почти не встречал, никаких дел у меня к нему не было. Ю. Потехина встречал на его докладах о поездках в Москву и о встречах с советскими писателями. Потехин не был яркой фигурой и, как все политики-сменовеховцы, скоро уехал в Москву. Что с ним стало — Бог весть. Был в газете репортер Вольский, который тоже уехал в Советскую Россию и там был расстрелян как «агент румынской сигуранцы». Была ли тут хоть доля правды или это была «легенда» ОГПУ? Уехал скоро в Россию и другой репортер — Шенфельд (Россов). Мельком встречал профессора С. Чахотина — человека архикнижного, странноватого, не от мира сего, старого приятеля Федора Степуна. Он тоже вернулся в Советскую Россию. Что с ним стало — не ведаю. Кажется, неожиданно дожил до старости.

Б. В. Дюшен

Но кого я довольно часто встречал и кто был человек яркий и запоминающийся — это Борис Вячеславович Дюшен. Хорошего роста, хорошо скроенный, с правильными чертами лицами, лишнего всякой растительности, нерусского, а скорее французского типа (он и был французского происхождения). Очень разговорчивый, веселый, ко всем благожелательный, всем готовый помочь, с ласко-

вой улыбкой вне времени и пространства, Дюшен был приятным человеком. И при всем том мне всегда казалось, что он — «нарисованная дверь», по выражению Зинаиды Гиппиус, примененному к И. И. Фондаминскому-Бунакову. Дверь-то *нарисована*, поэтому и войти в нее нельзя. Было в Дюшене что-то оптимистически-авантюристическое. Казалось, при надобности Борис Вячеславович ни перед чем не остановится, через все перешагнет.

Биография у Б. В. Дюшена была яркая. Был он сыном военного, был в эсерах, даже, кажется, в бомбистах, по специальности инженер, был фронтовым офицером, научным работником, лектором, автором многих научно-популярных книг, был журналистом, членом Учредительного собрания, комиссаром Временного правительства в Ярославле. Во время ярославского восстания 1918 года, к которому был причастен Б. Савинков, Дюшен был восставшими восстановлен в должности комиссара Временного правительства и принял в восстании самое активное участие. Подавившие восстание ворвавшиеся в Ярославль большевики за голову Дюшена назначили какую-то солидную сумму. Но чудом Борису Вячеславовичу удалось спастись. Как-то у него за чайным столом он рассказал мне и А. С. Яценко, как он спасся. Придя домой, я тогда же это записал.

Рассказывал Дюшен так: «До последнего я оставался в губернаторском доме (обычная резиденция комиссаров Временного правительства в губернских городах). Когда в город уж ворвались большевицкие банды, я бросил все, взял револьвер и вышел на Пушкинский бульвар. Было раннее утро. На окраине шла стрельба. На бульваре ни души. Я шел с револьвером по бульвару. Потом сел на скамейку и думаю: сейчас кончат или немножко подождать? Но может быть потому, что утро было чудесное, я решил подождать. А стрельба все близилась с окраин к центру. Взглянул я на небо, на револьвер и вдруг почувствовал, что смертельно устал от всей этой ерунды, называемой жизнью. Встал. Оставалось немножко приготовиться. И вдруг сзади услышал шаги и странное бормотание. Оглянулся: прямо на меня идет человек. А стрельба с окраин все близится, разгорается. Человек подходит, и я вижу, это мой друг, рабочий, и совершенно пьяный.

Он говорит:

- Ты что тут делаешь?
- И, увидав у меня револьвер:
- В каюк, что ль, сыграть хочешь?
- Да, думаю, — говорю.
- Брось, идем со мной, я тебя схороню.

Я пошел за ним молча, терять мне было нечего — застрелиться всегда успею. Он качается от опьянения, а я от усталости. Дошли до базарной площади. Никого нет. Но на площадь уже падают снаряды. Посреди же площади стоит странная какая-то, как «китайская», лавочка. Довел он меня до нее и говорит: «Лезь на потолок и лежи тихо, когда надо, я приду за тобой». Я полез на эти самые полати, а он — слышу — ушел.

Лежать на слегах неудобно. Ну да и на бульваре валяться трупом не Бог весть какое удобство. Лежу и даже в щель смотрю, как в обратную сторону уходит мой приятель. А разрывы снарядов на площади все учащаются. И вижу вдруг столб дыма, пропал мой друг, дым прошел, а он лежит на земле, не двигается. Пофилософствовал я тут, но делать нечего — остается только лежать.

Лежал я сорок восемь часов, а на сорок девятом стало совершенно невмочь. Чувствую — сдохну. Пусть уж лучше на улице, чем на этих самых полатях. И вылез я ночью, народу никого. Подошел к какой-то стеклянной двери, посмотрел на себя — не узнаю совершенно: стоит передо мной старик лет эдак на двести. Ну, думаю, стало быть, меня и на свете нет. Так и пошел из города. У плаката с оттиском моего изображения и наградой за поимку остановился. Ценили меня дорого! А я шел и шел, ушел за город, шел по лесу, всякую гадость ел, грибы, землянику. Потом на одной маленькой станции, которую хорошо знал, прыгнул в поезд и поехал...»

Так же, как и Ключников, Б. В. Дюшен бежал из Ярославля, кажется, в Казань, оттуда в Сибирь, а оттуда в Европу, но в этом я не уверен. В Европе сначала он жил в Прибалтике, там и сошелся с Г. Л. Кирдецовым, потом — в Берлине, где в издательстве «Знание» выпустил ряд научно-популярных книг. В «Накануне», думаю, привлек Дюшена его старый знакомый по Ярославлю Ю. В. Ключников.

Квартира у Дюшена была большая, хорошо обставленная, жили они не стесняясь, часто устраивали званые чаи и обеды. Жена его Фаина (забыл отчество, кажется, Александровна)⁶⁹ была очень милая женщина, несложная, дочь сельского священника — обожала своего Борю.

Помню, как-то Борис Вячеславович пригласил на вечер, на чтение Анатолия Каменского⁷⁰, много писательского народа. Я пришел с некоторым опозданием. Были Яценко, Корвин-Пиотровский, Наталия Потапенко⁷¹, Нина Петровская, инженер Сергей Зелигер⁷², кто-то еще. И, конечно, сам Анатолий Каменский. Но что меня удивило, были еще два господина, и, знакомя с ними, Дюшен сказал: «Знакомьтесь, пожалуйста — советник посольства Братман-Бродовский⁷³ и второй

секретарь» (он назвал фамилию, но я ее запомнил). Эти сотрудники посольства сидели по сторонам «гвоздя вечера» Анатолия Каменского, с которым я был уже знаком. Люди из посольства были оба польские евреи, с той только разницей, что секретарь — мефистофельски черный — говорил хорошо по-русски, лишь с мягким польским «л», а советник посольства Братман-Бродовский говорил как-то кряхтя, плоховато, с сильным акцентом. И вообще производил отвратное впечатление: неуклюжий, рыжий, громоздкий. В ежовщину Сталин расстрелял его так же, как большинство из окружения берлинского полпреда Н. Н. Крестинского.

За чайным столом сидевшая со мной Нина Петровская (с ней в Берлине я дружил) шепнула, что у А. Каменского в прежней Москве в писательских кругах было прозвище: «Калмыцкая Богородица». Не знаю почему, но прозвище было великолепно и очень ему подходило. Как я узнал на этом вечере, Анатолий Каменский решил, оказывается, возвращаться в РСФСР, и я понял тогда, что у Дюшена происходят явные «смотрины» его полпредскими чиновниками, перед которыми, надо сказать, Каменский глупо и дико лебезил. После вкушения всяческих «приятностей» за обильным чайным столом (Дюшен принимал всегда широко) Каменский стал читать какую-то свою новую пьесу. Она была так бездарна, что я даже не запомнил, о чем была речь. Но не в таланте суть. Каменский действительно скоро уехал в Москву. Конечно, автор «Леды» никак не был нужен «социалистической литературе», но большевики подметали всех более или менее видных писателей из эмиграции. Мне рассказывали, что спервоначала где-то в витрине на Тверской была даже выставлена большая фотография Каменского с подписью, что это автор известной пьесы «Леда», вся «известность» которой состояла в том, что игравшая главную роль Леды актриса Шатрова (жена Каменского)⁷⁴ появлялась на сцене в чем мать родила. Тогда, в 1900-х годах, это был, конечно, невыносимый «модерн», страшный «прогресс», «взрыв всех традиций», «пощечина общественному вкусу». По теперешним понятиям это — невиннейшая невинность. Нас уже приучили к куда более увесистым «пощечинам»...

Анатолий Каменский был мелкий писатель и мелкий человек. До этого я встретился с ним на обеде-приеме Маяковского неким Женей Манделем⁷⁵ и его женой (они вернулись в РСФСР и где-то там сгинули). И я был свидетелем, как Каменский подхалимствовал перед Маяковским. Он говорил: «Владимир Владимирович, ведь такого знатока русского языка у нас кроме вас нет!» Подхалимаж был примитивно-глуп, ибо никаким «знатоком русского языка»

Маяковский никогда не был, да и не выдавал себя за такового. Он всячески деформировал язык — да, иногда удачно, иногда неудачно, безвкусно. На подхалимаж Каменского Маяковский отвечал каким-то неопределенным мычанием.

Позже, припоминая многое, мне казалось, что в отъезде Каменского в Москву помог ему Б. В. Дюшен. Утвердился я в этом, когда много лет спустя А. С. Яценко как-то, посмеиваясь, сказал мне, что А. Дроздов и Глеб Алексеев⁷⁶ так скорострельно и тайно от всех уехали в РСФСР «с помощью Дюшена». Причем (как я уже говорил) белобандита А. Дроздова сразу ввели в редколлегию какого-то толстого советского журнала, а белобандиту Глебу Алексееву в первые же дни в Москве Союз писателей устроил литературный вечер под председательством старейшего писателя Ивана Новикова. Позднее приезжавшие в Берлин Федин и Груздев⁷⁷ предупредили меня, чтоб с Алексеевым в переписке я был осторожен, ибо он «плохо пахнет», «дружит» с чекистом Яковом Савловичем Аграновым⁷⁸. Борис Суварин⁷⁹, опубликовавший по-французски свои «Последние беседы с Бабелем», пишет, что на вопрос, кто такой Агранов, Бабель⁸⁰ ответил: «Блестящая карьера! У него полная власть в районе Москвы, охраняет безопасность правительства. Это — кое-что!» Разумеется! Даже больше чем «кое-что!» Но когда до этого *»кое-что»* дотянулись Ежовы «рукавицы» и Агранова «шлепнули», очередь пришла и за его служающим. Только чекисты, пришедшие за Глебом Алексеевым, — проиграли. Алексеев успел выброситься из окна и разбился насмерть. Для этого стоило «ворочаться на дорожку родину».

Моя биография

<Фрагмент>

«Сменовеховцы» и газета «Накануне»

Так как клевета на меня со стороны монархистов, солидаристов и советских агентов всегда оперировала моим «сменовеховством» и сотрудничеством в газете «Накануне», то я хочу подробно осветить все это¹.

В июле 1921 года в Праге группа видных русских эмигрантов издала сборник «Смена Вех». В сборнике поместили статьи проф. Ю. Ключников, проф. Н. Устрялов, проф. С. Лукьянов, проф. С. Чахотин,